

Г. Шрот
(ГДР)

О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РИМЕ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

Несмотря на наличие значительного количества важных исследований в области экономики древнего мира, эта проблема не может считаться решенной¹. В Германии, например, до сегодняшнего дня еще не написана сводная работа по экономической истории древнего Рима². Предпринимаемая мною работа представляет попытку отчасти восполнить этот пробел³. В первой части данной работы я хотел кратко изложить типичные черты и тенденции развития римского сельского хозяйства этого времени.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Со времени ранней Римской республики вплоть до эпохи великих завоевательных войн римское сельское хозяйство велось главным образом экстенсивно. Свободный римский земледелец стремился к расширению и

¹ T. F r a n k, An economic History of Rome, Baltimore, 1927²; ESAR, тт. I—V, Baltimore, 1933—1940; M. W e b e r, Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht, Stuttgart, 1891; R. v. P ö h l m a n n, Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, München, 1925, т. I—II; E. C i c c o t t i, Der Untergang der Sklaverei, B., 1910; J. S a l v i o l i, Der Kapitalismus im Altertum, Stuttgart, 1922; H. G u m m e r u s, Der römische Gutsbetrieb, «Klio», Beiheft 5, 1906; M. R o s t o v t z e f f, The Social and economic History of the Roman Empire, Oxf., 1926; М. Е. С е р г е е н к о, Из истории сельского хозяйства древней Италии, ВДИ, 1953, № 3; Th. M o m m s e n, Römische Geschichte, I⁸ т. I—III; V. B., 1888—89.

² Еще в 1953 г. издательством С. Н. Век в Мюнхене было объявлено о предстоящем выходе в свет построенной на новейших исследованиях «Экономической истории древности» Эртеля, которая должна была появиться в серии «Handbuch der Altertumswissenschaft» (III Abtlg., 7-я часть). Как мне сообщил в письме проф. Эртель из Бонна в начале апреля 1957 г., все его «подготовительные работы и рукописи были в 1945 г. разбросаны и уничтожены американскими солдатами». Поэтому работа, начатая почти заново, заставляет еще себя ждать.

³ Общие вопросы периодизации античности уже служили предметом исследования в другой моей статье, написанной совместно с Р. Гюнтером. G. S c h r o t — R. G ü n t h e r, Einige Probleme zur Theorie der auf Sklaverei beruhenden Gesellschaftsordnung, ZfG, 5 (1956), стр. 990—1008; рец. L. W e l s k o p f в ZfG, 2 (1957), стр. 296—313; см. также G. S c h r o t, Die Verwendung des ager publicus in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischer Wirtschaftspolitik, ZfG, 1 (1956), стр. 39—61; рец. J. B u r i a n в «Českoslov. Čas. hist.», 4 (1956), стр. 694. В дальнейшем я собираюсь опубликовать и другие работы, также посвященные различным периодам развития сельского хозяйства и ремесла в древнем Риме.

увеличению своего собственного земельного владения. Постепенно вследствие влияния разнообразных причин возникло существенное различие в размерах частной земельной собственности среди римских землевладельцев: с одной стороны, свободные крестьяне пауперизировались и теряли свои участки, с другой стороны, возникали латифундии⁴.

С начала II в. до н. э., когда громадные территории были включены в состав империи, исторические условия в республике изменились, вследствие чего распространилась интенсивная форма хозяйства, особенно в самой Италии. Впервые Катон Старший изложил теоретически, каким путем частный землевладелец, ведя рационально свое хозяйство, может достичь наибольших урожаев и высокой прибыли. Теперь, в изменившихся условиях римского землевладельца интересовало, чей труд дешевле: полностью бесправного раба, или безземельного свободного, и каким образом можно наиболее выгодно продать произведенные товары. Согласно этому, моя задача состоит в исследовании процесса изменения формы зависимости рабочей силы, занятой в имении, и соотношения между замкнутым и рыночным хозяйством. Таким путем, по-моему, можно получить более полное представление о характере римского сельского хозяйства конца республики.

1. Переход от экстенсивной к интенсивной форме хозяйства

Войны Рима против Карфагена и государств восточного Средиземноморья привели к исключительному увеличению территории римской державы. Действовавшие опустошительно военные походы и победа римских экспансионистских устремлений вызвали, в свою очередь, переворот в экономических и политических отношениях в самом Риме, который решающим образом повлиял на дальнейшее развитие Рима.

В результате этих изменений крестьянство повсеместно пришло в упадок ко времени Гракхов и в I в. н. э. полностью исчезло⁵. Рабство вступило в свою высшую стадию. Одновременно происходила концентрация в руках немногих богачей колоссальных земельных угодий⁶.

Как известно, большая и лучшая часть завоеванной страны (*ager captivus—ager publicus*) переходила с давних времен *de-facto* во владение патрициев⁷. Вместе с успешными завоеваниями вне Италии менялся характер добычи, так как теперь уже целые провинции вовлекались в состав государства. Расширение римской территории привело к реорганизации армии; поскольку теперь для защиты и удержания в повиновении завоеванных народов и земель требовались гарнизонные войска, то римская крестьянская армия не была уже в состоянии обеспечивать военную защиту государства. Привлечение в армию неимущих свободных римских граждан и чужеземных наемников⁸ превращало постепенно армию в оружие завоевательной политики новой римской аристократии. Предоставление в распоряжение солдат определенной части добычи достигалась их материальная заинтересованность в войнах. Слава и общественный вес полководцев расценивались теперь в зависимости от того количества денег, которое они привозили в Рим в качестве добычи⁹. Вслед за римскими солда-

⁴ Ср. мою статью «Die Verwendung des *ager publicus*...», ZfG, 1 (1956), стр. 39—61.

⁵ M. R o s t o v t z e f f, ук. соч., стр. 191.

⁶ Ср. мой очерк, в ZfG, 5 (1956), стр. 994.

⁷ Это я пробовал доказать в ZfG, 1 (1956), стр. 42—43 и 58—59.

⁸ Liv. XX, 24, 49, сообщает уже для 214 г. до н. э., что в войске Сципиона служило много кельтских и иберийских наемников.

⁹ Plin., NH, XXXIII, 17, приводит примеры того, что приносили отдельные

тами в завоеванные земли постоянно двигались бесчисленные толпы торговцев, авантюристов и спекулянтов, которые превращали в деньги добычу солдат и с тех пор занимались эксплуатацией провинциалов (откуп налогов). Таким путем грабительские походы завершались интенсивной эксплуатацией и вымогательством.

В ходе этого развития изменилась также цель, к которой было направлено неограниченное стремление к стяжательству. Сначала, в период возникновения крупного землевладения, патриции думали прежде всего об экстенсивном расширении своих земельных владений и численности зависящей от них рабочей силы. Это стремление, следовательно, не преследовало еще цели приобретения денег. По мере же прогрессирующего расширения латифундиального хозяйства был достигнут такой уровень развития, при котором сельскохозяйственные продукты стали производиться главным образом на местный рынок, для заморской торговли и снабжения войск, следовательно, уже не для собственных потребностей усадьбы, как было раньше.

Завоевательные войны Рима вызвали переворот в отношениях собственности и зависимости, следствием чего были концентрация громадных денежных средств и земельных богатств в руках немногих богатых аристократов, отход богачей от производительного труда, их роскошь и расточительство.

Хотя Катон Старший часто изображается наиболее решительным борцом за *mos maiorum*, однако он сам и его деятельность как нельзя более соответствовали духу того времени. Хотя Катон и призывал к крестьянской простоте и строгой бережливости и осуждал ростовщические операции, однако в повседневной деловой практике он лихорадочно стремился к прибыли (Plut., Cato, 16, 19; Cato, De a. s., praef.). Заимствовав из хозяйственного опыта Карфагена и Греции много нового для римского земледелия, Катон наиболее подробно образом излагает эти новые принципы земледельческой деятельности¹⁰. Он заявляет одинаково всем землевладельцам, что всеохватывающей задачей сельского хозяйства является достижение наибольших прибылей с наименьшими затратами¹¹. Задачей его сельскохозяйственного руководства было показать, каким образом каждый земледелец может быстро достичь достатка и богатства. Все, что Катон видел сам на плантациях Карфагена — суровые условия труда связанных рабов, рентабельное возделывание различных полевых культур, наиболее выгодное использование орудий труда, — все это он старается теперь применить в своих имениях к римским условиям. Наибольшего успеха можно достичь, если соединить крупное землевладение с новым сельскохозяйственным опытом. Поэтому сам он не стал уклоняться от того, чтобы наряду с деятельностью в земледелии заниматься ростовщичеством для ускорения собственного обогащения (Plut., Cato, 21). Скупка акций на торговые суда, обучение детей рабов, чтобы затем продать их подороже, поощрение за деньги связей рабов с целью увеличения рабского потомства — вот те методы, которыми действовал Катон. Наставление Катона своему сыну может быть обозначено как всеобщий дух времени: деньги в руках немногих становятся в государстве властью, которая господствует над всем; поэтому первейшая добродетель римского гражданина — заработать деньги и сделаться богатым, а легальная дорога к этому — повышенная эксплуатация зависимой рабочей силы и интенсивное использование почвы и орудий труда.

¹⁰ Ср. O. Zieger, Die Acker des Altertums, München, 1954, стр. 98.

¹¹ Это стремление к рентабельному ведению хозяйства хорошо представлено М. Е. Сергеевко, Характерные черты сельскохозяйственной жизни в Средней Италии во II в. до н. э., ВДИ, 1952, № 4, стр. 38—44.

Сочинение Катона дает нам возможность увидеть и положение италийского сельского хозяйства во II в. до н. э. Катон понимал, что главной экономической и военной опорой государства были средний и мелкий крестьянин (De a. s., praef. 4). Но так как с ростом пауперизации свободных мелких крестьян значение труда рабов необыкновенно возросло, то изменился характер сельского труда и характер самого земледелия. Теперь под «хорошим хлебопашцем», как это видно из сочинения Катона, он не подразумевает больше крестьянина старого римского времени, который свое небольшое поле возделывал сам со своей семьей и заботился лишь об удовлетворении собственных потребностей. Теперь им является крупный землевладелец, перестроивший свое имение на рабский труд, производящий продукты в имении прежде всего на продажу и поэтому постоянно заботящийся о наибольшей рентабельности своего хозяйства¹². Поэтому советы Катона исходят из опыта ведения именно такого земледельческого хозяйства, которое широко использует труд рабов.

С начала II в. до н. э. латифундиальное хозяйство заняло место старого крестьянского хозяйства прежде всего в Этрурии и Южной Италии. Уже Сальвиоли (ук. соч., стр. 52) отмечал, что понятие латифундия в разные эпохи было неодинаковым. Так, до конца III в. до н. э. участок земли в 200 югеров (50 га) назывался латифундией (имение Катона занимало 240 югеров и являлось латифундией), в то время как при Варроне уже только 1000 югеров представляли крупное имение. Во времена Колумеллы крупный землевладелец I в. н. э. уже не мог объехать свои поместья в течение одного дня (Colum.; I, 3, 12).

Так же как изменялась в течение веков величина имений, изменялся за это время и характер сельскохозяйственного труда. Рабы и свободные поденщики относились совершенно иначе к земле, к продукту труда и даже к своей рабочей силе, чем свободные крестьяне времени раннего Рима. Однако рациональная эксплуатация рабского труда и целесообразное использование сельскохозяйственных орудий были в состоянии обеспечить доходность имения. Так, Плиний сообщает о некоем Г. Фурии Крезине, который с небольшого владения получил больший доход, чем его соседи с больших территорий. Этот Крезин в ответ на вопрос, как он достиг таких успехов, указал на своих ухоженных и хорошо одетых работников, на свои прекрасные орудия труда (Plin., NH, XVIII, 8). Все произведение Катона пронизывает главная мысль, что для землевладельца важно не только, в состоянии ли он постоянно расширять свои земли, но особенно важно на имеющейся земле с наименьшими средствами достичь наивысших результатов и тем самым получить наибольшую прибыль (также Varro, de r. r. I, 4). Но именно хозяйство, которое обслуживалось прежде всего рабским трудом, найдет в рабском труде препятствие, несовместимое с принципом рентабельности. Только этим и объясняется, что со времен Катона в имениях использовался также труд значительного количества свободных рабочих (в большинстве своем поденщики и сезонные рабочие — *operarii, factores, mercennarii*).

Катон устанавливает шкалу доходности от отдельных отраслей сельского хозяйства и на первое место ставит виноградарство, затем овощные и садовые культуры, на третье место — пастбища, на четвертое — оливковые плантации, на пятое ставит луговое и пастбищное хозяйства, наименьший же шанс на успех сулит хлебопашество, которое поэтому в современном ему хозяйстве должно все более ограничиваться. С завоеванием богатых провинций, в которых господствовало производство зерновых культур

¹² M. G e l z e r, Vom römischen Staat, Lpz, 1943, т. II, стр. 41—42, обращает внимание на то, что в качестве земледельцев во II в. выступают принадлежащие к разбогатевшей денежной аристократии всадники.

и которые должны были поставлять свое зерно в Рим, хлебопашество в самой Италии стало нерентабельным и все более вытеснялось плантационным и пастбищным хозяйством¹³.

Однако для Италии II в. до н. э. не может быть речи о полном упадке хлебопашества¹⁴, хотя у Катона на переднем плане стоит оливководство, менее обстоятельно говорится о виноградарстве и очень сжато автор высказывается о хлебопашестве. Ником образом нельзя обобщать также и сельскохозяйственные отношения в отдельных областях Италии, точно так же как нельзя представлять одинаковыми и те условия, которые отличали север полуострова от юга страны¹⁵. Катон, намереваясь в своей книге популяризовать новые методы труда, потому так обстоятельно и рассматривал оливководство, что для Италии оно было еще относительно новым, в то же время доходы от оливководства должны были возрасти. И, напротив, он, по-видимому, менее обстоятельно описывал виноградарство и тем болесзерновое хозяйство, потому что в этой области имелся уже богатый старый опыт. Катон стремился прежде всего к той цели, чтобы в каждой отрасли сельского хозяйства найти моменты, повышающие ее доходность, точно так же как и Варрон. Мы узнаем, что Варрон владел несколькими имениями (Varro, I, 15; III, 3,8; III 13,1) и преимущественно по соображениям рентабельности занимался там разведением овец и ослов (Varro, II, praef., 6). Доходность имения зависела от многих условий (местоположение имения, характер почвы, субъективные качества владельца и т. д.).

Античные авторы считали сельское хозяйство исключительным занятием древних римлян¹⁶. С некоторым удивлением мы слышим от Цицерона, что еще в его время в Риме сельское хозяйство считалось наиболее честным и приличным источником доходов (Cic., de off., I, 42). Однако Цицерон имел в виду такое ведение хозяйства, при котором личный труд владельца уже отсутствовал, что некогда, как известно, считалось достойным богатого римлянина. Теперь владелец из эксплуатации принадлежащей ему рабочей силы извлекал огромные прибыли¹⁷. Итак, можно считать установленным, что со времени Катона сельскохозяйственное производство не определялось потребностями всего общества, но исходило только из максимальных возможностей прибыли частных землевладельцев. В этих условиях итальянское виноградарство превращалось в серьезного конкурента даже на греческом рынке до тех пор, пока итальянское вино ко времени Августа не овладело тогдашним мировым рынком (Varro, I, 2, 7; Plin., NH, XIV, 2,26). В равной мере итальянское оливководство завоевывало античный мировой рынок (Cic., de rep., III, 16; Plin., NH, XV, 1, 3). Сбыт лучших сортов фруктов¹⁸ приносил значительный доход, намного превышающий доход от торговли зерном¹⁹.

¹³ Cic., de off., II, 25; Plin., NH, XVIII, 29. Также Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1953, стр. 165—166, обобщает и думает, что хлебопашество вообще было заменено скотоводством. Co well, Cicero and the Roman Republic, 2, 1948, стр. 49.

¹⁴ М. Е. Сергеевко, ук. соч., стр. 44

¹⁵ С I L, I, 602 (=I², 753) упоминает, что в Мантуе, в северной Италии, в 59 г. до н. э. три владельца имели каждый по два раба, а 13 владельцев — каждый по одному рабу.

¹⁶ S a t o, De a. c., praef.; D i o n y s., Antiquit., II, 28; P l i n., NH, XVIII, 1.

¹⁷ Так у Co well, ук. соч., стр. 41; G. C a r l, Zur Agrarlehre Columellas, стр. 9, правильно отметил: «Владелец... превратился в получателя ренты; предоставление ему возможности контроля над его владением — вот в чем теперь заключается смысл аграрного учения».

¹⁸ S o l u m., V, 40; X, 48; XII, 10, сообщает о выращивании благородных сортов груш, яблок, вишен, слив и фиг.

¹⁹ V a r r o, I, 2, 10. Согласно Плинию (NH, XV, 19—21), многие фиговые деревья приносили по три урожая в год, которые продавались по высоким ценам.

Рост столицы и увеличивающееся значение крупных портовых городов ускорили этот процесс, потому что более обильное снабжение городского населения и доставка провианта для армии превращались в необходимость; кроме того, верхние слои населения городов требовали для своего стола все более изысканных деликатесов. Отдельные имения, находившиеся вблизи Рима и других городов, специализировались на производстве лишь одного определенного продукта²⁰. Существовали имения, которые доставляли только лук, капусту, салаты, огурцы, репу (Cato, De a. s., 8; Colum., X, 127; Plin., NH, XIX, 20—34; 41 сл.). Другие занимались исключительно разведением цветов, чтобы удовлетворить дорогостоящую потребность богатых в роскоши (Varro, I, 16, 3; Martial., IX, 61; XIII, 127; XIV, 68). Так же как Катон обращает внимание на значение торгового садоводства вблизи городов (sub urbe hortum omne genus) (De a. s., 8, 2), Варрон равным образом подчеркивает роль садоводства (Varro, I, 16, 3). Наконец, и Колумелла отмечал, что в Италии земля засажена виноградными лозами и оливковыми рощами (Colum., II, 2, 24). Имения вблизи городов занимались также и мелким животноводством и птицеводством, с тем чтобы ежедневно доставлять в Рим птицу, свежие яйца и молоко (Varro, II, 3, 10; VII, 8, 1). Варрон подчеркивает, что особенно доходным является разведение птиц (III, 2, 3), а также разведение кроликов и рыб (III, 3, 1). Так, он сообщает, что Лукулл получал ежегодный доход в 40 тыс. сестерциев от своих рыбных садков. Производство зерновых в то время могло упасть уже до такой степени, что им покрывалась только собственная потребность хозяйств. Ведь только это обстоятельство могло склонить Варрона к утверждению, что Италия выглядит как громадный фруктовый сад и что ни одна пшеница, ни одно оливковое масло и ни одно вино в мире не могло бы конкурировать с итальянскими (Varro, I, 2, 6).

Там, где крупные имения, древесные рассадники, цвето- и овощеводческие хозяйства, птицефермы и рыбные садки оказывались жизнеспособными, как, например, вблизи Рима, мелкий крестьянин постепенно терял основу своего существования, его зерновое хозяйство становилось не приносящим дохода. Но в таких специализировавшихся на производстве определенной продукции имениях рабский труд не приносил наибольшей выгоды, так как характер этих работ предусматривал использование квалифицированной свободной рабочей силы, которая в какой-то мере могла быть заинтересована в результатах своего труда.

Мало-помалу выступают политические и социальные следствия этих хозяйственных изменений. По мере интенсификации хозяйства, которая по необходимости включает в себя постоянный сбыт произведенных продуктов, выработывалось тесное сотрудничество, с одной стороны, между владельцами имений и, с другой стороны, между дельцами и крупными торговцами, что, в конце концов, вело также к возникновению общих политических интересов. Крупные землевладельцы и крупные торговцы, нобили и всадники, проводили политику, движущей силой которой были деньги и целью которой равным образом были деньги²¹. Прогрессирующая концентрация денежных богатств приняла в течение одного столетия такие формы, что даже Цицерон должен был признать: non esse in civitate II milia hominum, qui rem haberent (Cic., de off., II, 73).

Таким образом, во II в. до н. э. масса свободных мелких крестьян оказалась согнанной со своих земель, теряла свои владения и искала пристанища в городах, и прежде всего в Риме. В то же время крупное землевладение, которое преимущественно обслуживалось рабским трудом,

²⁰ Sowell, ук. соч., стр. 42.

²¹ Goshat, vet., 138, 11 сл. Ср. R. v Pöhlmann, ук. соч., т. II, стр. 408.

и денежное богатство, стекавшееся со всех провинций в Италию, концентрировались в руках немногих богачей. Не участвуя в производительном труде, господствующие слои населения Рима жили только за счет эксплуатации своей мировой державы и угнетения ее населения²².

2. Положение свободных крестьян в последние два века Республики

Свободное крестьянство оплатило расходы римской завоевательной политики ценой развала своего хозяйства. Гракхи, как известно, стремились воздвигнуть преграду безграничному расширению земельных владений и вернуть тем самым жизнеспособность мелкой земельной собственности. Таким образом, должно было быть остановлено все развитие патрицианской хозяйственной политики, берущей свое начало со времен ранней республики, а возможно и с конца царского периода. Поэтому непонятно мнение Г. Пфейфера, когда он историю попыток реформы ограничивает временем, начиная с Ганнибаловой войны, считая, что реформа возникла непосредственно на протяжении этого отрезка времени²³. Автор не видит связи между аграрным законом Лициния — Секстия и гракханскими законами. В IV и II вв. причины и цели этого законодательства были одни и те же, понятно, принимая во внимание различия в величине латифундий²⁴. Пфейфер отрицает, что в первой половине IV в. ограничение крупного землевладения было уже такой же необходимостью, как и в последующие столетия; хотя разумеется, нельзя отрицать, что с окончанием II Пунической войны Рим вступил в новый, более высокий этап своего развития. Какими факторами характеризуется в это время положение мелких земельных собственников?

Моммзен считал наиболее важной причиной хозяйственного упадка свободного италийского крестьянства ввоз чужеземного, дешевого, хлеба в Италию²⁵. Таким образом, он молчаливо отправляется от тезиса, что не производство (способ изготовления продуктов), но обращение (обмен, торговля продуктами) определяет собой изменения хозяйственных отношений в жизни человечества. Хлеб, который производили италийские крестьяне, частично шел на их собственное потребление, а частично сбывался внутри страны. Наряду с потреблением хлеба в самих крестьянских хозяйствах покупателями сельскохозяйственных продуктов могли быть столица и италийские города. Но города на побережье были и портами и перевалочными пунктами, куда со всех сторон прибывали торговые корабли²⁶. Ввозимый сюда заморский хлеб снижал цены в Италии не только в самом портовом городе, но и в глубине страны также. Если даже считать, что ввезенный хлеб по большей части предназначался для римских легионов, то потребность городов в хлебе постоянно возрастала, так что местные крестьяне могли бы еще иметь возможности сбыта.

Уже сами древние задумывались над тем, какие причины вызвали такого рода развитие (Suet., Aug., 42). По мнению Светония, государственные

²² Z i e g e r, ук. соч., стр. 121: «Поими кто-нибудь этот мир! — заявляет римский крестьянин Кай Публий. — Когда я был в Риме, я видел, насколько выросло население за немногие годы. Ведь эти 100 тыс. туземцев в больших городах нуждаются в хлебе! И мы, крестьяне Рима, мы должны прекратить хлебопашество, потому что можем еще спастись путем разведения овец или производя лакомства для избалованных денежных мешков».

²³ G. P f e i f e r, Agrargeschichtlicher Beitrag zur Reform des Tiberius Gracchus, Phil. Diss., München, 1914, стр. 5.

²⁴ Сравним, например, высказывания А п п и а н а (BC, I, 8) и П л у т а р х а (Tib. Gracch., 8). См. также L i v., VI, 35; Epit., LVIII.

²⁵ M o m m s e n, Röm. Geschichte, I⁸, стр. 849.

²⁶ П о л и б и й (III, 91, 1) указывает, говоря о портовых городах Кампании, что торговые корабли привозили прежде всего хлеб из заморских стран; здесь может идти речь о таких городах, как Сипуесса, Кумы, Дикеархия, Неаполь и Салерн.

раздачи хлеба парализовали заинтересованность в хлебопашестве. Моммзен продолжает рассуждения Светония: «Речь здесь идет прежде всего о конфликте между заморским и итальяйским зерном». Он ищет в соотношении цен, а особенно в «ужасающе низких ценах на зерно в это время» (ук. соч., стр. 839—840) главную причину упадка более мелких крестьянских хозяйств. Моммзен видит выход в том, что «в этих условиях, неестественно сдвинутых благодаря достойному сожалению рабскому хозяйству, быть может, было бы оправданным введение пошлины на заморский хлеб в пользу итальяйского» (там же). Таким образом, согласно Моммзену, грандиозные раздачи зерна, заниженные цены на хлеб и слишком низкая пошлина на зерно предопределили нерентабельность хлебопашества в Италии, что вынудило многих крестьян оставить занятие сельским хозяйством. Однако следует иметь в виду и активную роль аристократии в разорении и уничтожении крестьянства, когда она во все возрастающих размерах скупала участки крестьян. Можно привести также и некоторые другие соображения. Мы уже видели, что во времена Катона вино и оливковое масло в Италии производились для торговли, а хлеб только для собственного потребления, так что крупные землевладельцы руководствовались в ведении своего хозяйства уже не потребностями своего собственного имения, а стремлением увеличить владения и повысить прибыль. Далее, если в крестьянских хозяйствах хлеб возделывался только для собственного потребления, то цены на зерно могли влиять на эти хозяйства лишь косвенным образом. Государственный ввоз хлеба шел прежде всего для армии и для снабжения больших и средних городов, на обеспечение в них раздач хлеба; заморский хлеб также мало воздействовал на внутренние рынки страны вследствие трудных условий транспорта. Поэтому рост привоза зерна и все увеличивающиеся раздачи хлеба не были главной причиной ухудшения положения крестьян. Пауперизация итальяйского крестьянства началась, несомненно, задолго до того, как законом были установлены продажи дешевого хлеба и, позже, государственные хлебные раздачи. Только со времени Гая Гракха (*lex frumentaria*, 122 г.) было введено снабжение городских *proletarii* хлебом, итальяйские же крестьяне уже до этого потеряли средства существования, что еще ранее вызвало борьбу плебеев за хлебные законы и аграрные реформы.

Согласно Варрону, сельскохозяйственные продукты доставлялись издалека, из глубины страны в гавани (II, 6, 5). В одном и том же городе предлагался отечественный и заморский хлеб, покупался больше тот, который был дешевле²⁷. Так как крестьяне были ограничены в продаже своих продуктов только местным рынком, а возможности сбыта в равнинной стране, где находились их усадьбы и где большая часть населения сама занималась хлебопашеством, были исключительно малы, продажа отечественного хлеба встречала серьезные затруднения. Но дешевле продавать мог только тот, кто дешевле производил, т. е. крупный землевладелец, который опирался на эксплуатацию рабского труда. Таким образом, цены на хлеб определялись не только самим фактом ввоза заморского хлеба, но и способом производства зерна (*Liv.*, XXX, 38, 5).

Подряды зерна для армии обеспечивались продукцией крупных имений Италии; однако крестьяне также поставляли хлеб для армии. В Ганнибалову войну гарнизон Тарента получал хлеб из Этрурии (*Liv.*, XXV, 15; XXVII, 3), где преобладало крупное землевладение. В 172 г. до н. э. провизант для войска и флота, которым предстояло направиться из Брундизия в Македонию, был закуплен в Апулии и Калабрии (*Liv.*, XLII,

²⁷ О дешевизне цен на сельскохозяйственные продукты см. *Salvioli*, ук. соч., стр. 145.

27). Тацит также отмечает, что в прежнее время Рим снабжал свои легионы в провинциях главным образом итальянским хлебом (Ann., XII, 43). Со времени II Пунической войны произошли изменения. Уже во время войны против Ганнибала римляне надеялись, что Сицилия покроет потребности Рима и Италии в хлебе (Liv., XXVI, 40, 16; XXVII, 5, 5). Эти надежды оправдались после присоединения больших средиземноморских островов (Liv., XXXVI, 2, 12; XXXVII, 2, 12). В новых условиях латифундии оказались более рентабельными. Поэтому причину упадка мелких хозяйств в Италии следует искать не в чересчур высоком ввозе хлеба, а в характере труда, которым обеспечивалось производство зерна в Римском государстве, т. е. в конкуренции между крупными и мелкими землевладельцами.

Дальнейшее территориальное расширение Рима во II и I вв. до н. э. только ускорило этот процесс. Ко времени Цицерона Сицилия стала житницей всей державы (Cic., Verg., II, 5, 7; Flor., III, 19, 3). В правление Августа одна только провинция Африка доставляла столько зерна, что обеспечивала потребность всей Италии в течение восьми месяцев в году, в то время как Египет доставлял дополнительно еще 20 млн. модиев зерна в год (Joseph., Bell. Iud., II, 16, 4; Aug. Vict., Ep., I, 6).

Военные обязанности крестьян также ускоряли экономический развал мелких хозяйств. Правда, более длительный срок воинской службы не приводил больше к долговому рабству, как во времена, предшествовавшие lex Poetelia (326 г. до н. э.), и вел теперь лишь к утрате владения или к социальному деклассированию некогда свободного землевладельца²⁸.

В какой мере длительный срок службы, которому подлежали крестьяне, влиял на сельскохозяйственное производство мелких усадеб, можно видеть из сообщения об усадьбе знаменитого римского полководца и консула 256 г. до н. э. Атилия Регула. Вернувшись, наконец, после I Пунической войны, Регул сообщает, что его имение пришло в полный упадок, так как его помощники либо запустили, либо растащили орудия труда за время отсутствия хозяина (Val. Max., IV, 4, 6; Liv., Epit., XVIII). Свободное крестьянство сверх всякой меры было втянуто в воинскую повинность. Иногда в Риме призывался к оружию все способные к воинской службе мужчины до 50-летнего возраста; так было в 181 г. до н. э., когда эпидемия чумы унесла значительную часть населения (Liv., XL, 26, 7), и в 171 г., когда подготавливалась война против Персея (Liv., XLII, 31, 2). И можно без сомнения оказать доверие расчетам Крамайера, что ежегодный призыв в Риме в это время составлял по крайней мере 100 тыс. человек²⁹. Нетрудно представить себе влияние подобных мероприятий на жизнеспособность мелкого землевладения.

В дальнейшем, если учесть неизбежные военные потери римских войск, экспансионистская и военная политика римского государства должна была влиять все тяжелее и опустошительнее на существование всего свободного крестьянства. Отсюда следует, что не только сама воинская повинность, но прежде всего потери в людях сыграли решающую роль в разорении крестьянской бедноты. В войне против бойев в 201 г. до н. э. пали 7 тыс. римлян (Liv., XXXI, 2, 8); в 198 г. в войне против инсубров потеряли жизнь 6700 мужчин (Liv., XXXII, 7, 5); в 196 г. в войне против бойев — 3 тыс. человек (Liv., XXXIII, 36, 4). Мы слышим о поражении римлян в Испании в 196 г. (Liv., XXXIII, 25, 9). В 194 г. римляне потеряли

²⁸ В Институте древней истории университета им. Карла Маркса с 1957 г. выполняется исследовательская работа «Этюды по истории античного долгового рабства», в которой я принимаю участие от сектора римской истории.

²⁹ K o m a u e r, Die wirtschaftliche Entwicklung Italiens, «Neue Jahrbh.», 1915, стр. 145—169.

в Галлии более 5 тыс. человек (Liv., XXXIV, 47,8), претор Дигитий потерял в 193 г. *dimidium militum* (Liv., XXXV, 1, 2), в том же году в борьбе против бойев пали 5 тыс. римских солдат (Liv., XXXV, 5, 14). В Лузитании в 190 г. римлянам пришлось оставить 6 тыс. павших (Liv., XXXVII, 46, 7), а в 186 г. еще раз в войне против бойев Рим оплакивал потерю 4 тыс. солдат (Liv., XXXIX, 20, 7). Битвы римлян в Испании в 185 г. унесли 5 тыс. солдат (Liv., XXXIX, 30, 6), а в 182 г. римляне вновь заплатили большими потерями за кампанию по подавлению Испании (Liv., XL, 16, 8). С войны против лигуров в 173 г. 3 тыс. римских солдат не вернулись на родину (Liv., XLII, 7, 10).

Если сложить цифры этих потерь, взятые только из Ливия, то мы считаем для отрезка времени от 201 до 173 г. до н. э. 45 тыс. убитых, причем такие выражения, как *multi milites*, *dimidium militum* и т. д., не принимаются во внимание. К этому еще следует прибавить около 40 тыс. убитых, которых Рим потерял во время своих кампаний в Испании (Arrian., Iber., 63—67; 77—78). Кроме того, мы коснулись лишь отрезка времени в 28 лет, который лежит за пределами настоящих больших завоевательных войн в западном и восточном Средиземноморье. Но и этими данными можно показать, что римская завоевательная политика наносила ощутимый удар по численному состоянию свободного крестьянства.

Сравните с этим римские цензовые списки, которые на протяжении почти 30 лет дают уменьшение свободного населения на 20 тыс. граждан, что составляет 6%, и у вас сложится мнение, что уменьшение числа *capita civium* идет главным образом за счет свободного крестьянского населения³⁰.

Таким образом, военная служба и тем более военные потери очень ослабили экономические позиции свободных крестьян; мы уже не говорим об опустошении плодородных пашен, о разрушении хозяйственных и жилых построек, о грабеже и кражах скота и орудий труда в усадьбах. Эти неизбежные следствия войны, прежде всего II Пунической, с самого начала не давали вернувшимся после войн крестьянам возможности восстановить свои хозяйства и найти средства к существованию в деревне. Эти обстоятельства усиливали бегство из деревни оставшихся без средств к существованию крестьян³¹.

Если после Ганнибаловой войны отсутствовали предпосылки для экономического расцвета мелких хозяйств, то крупная землевладельческая аристократия, напротив, могла удовлетворять свое стремление к увеличению земель и богатств, но зато при этом она губила необходимую жизненную основу государства — свободное крестьянство. Этот процесс происходил столь интенсивно и радикально, что часто не считались со средствами, приобретая имения. Цицерон называл тех людей, «которые проскрибировали своих соседей, чтобы из многих наделов сколотить себе большое поместье» (*De lege agr.*, III, 14). Но крестьяне имели слишком мало земли и слишком мало рабов; они не могли достаточно дешево производить, чтобы выдерживать растущую конкуренцию крупных землевладельцев.

Большие города превращались в центры притяжения для изгнанных и лишенных своих корней крестьян; сильнее всего их влекла столица, сам Рим. Если около 180 г. до н. э. целых 4000 самнитских семей переселились из сельских мест в город Фрегеллы (Liv., XLI, 8), то естественно

³⁰ В 163 г., согласно Liv., Epit., XLVI, и Plut., Paulus, 38, насчитывалось 337 450 граждан, а в 136 г., согласно Liv., Epit., LVI, только 317 933 гражданина.

³¹ Ср. Liv., XXXIX, 3 и XLI, 8; Sall., Cat., 37, и Jug., 41; Tac., Ann., 1, 2; Varr., II, praef., 3; Appian., BC, II, 120; к этому R. v. Pöhlmann, Die Überbevölkerung der antiken Großstädte, Lpz, 1884, стр. 44 сл. с указанием цифровых данных.

предположить, что в это время приток населения в Рим должен был быть весьма значителен. Люди, лишенные владений и без каких-либо средств, искали в городах пристанища, надеясь на осуществление своих чаяний. Они увеличивали слой *proletarii*, которые все более превращались в паразитирующий люмпенпролетариат античности. Привоз дешевого хлеба в Рим со времен Г. Гракха и позже введенные раздачи хлеба еще более усилили наплыв в город и этим путем косвенно продвинули дальнейшее разложение свободного крестьянства. Таким образом, гибель крестьянского сословия в Италии привела к радикальному изменению имущественных отношений³².

Произошли также изменения в положении рабов. Во времена возникновения рабства объем производимой рабами работы находился в нормальных границах, рабам оставалась большая часть производимой ими продукции, так что их удел в известной мере был еще сносным³³. Раб был тогда так же неволен и бесправен, как и позже, но тогда он еще не рассматривался как вещь. Даже его наименование *puer*³⁴ характеризует его как человека. Поскольку отсутствовало развитое товарное производство, частные землевладельцы не были еще заинтересованы в безграничном расширении сельскохозяйственного производства: накопление же растительной и животной продукции было бессмыслицей ввиду ограниченного срока хранения. Вот почему производство в самой низшей хозяйственной единице — фамилии вполне выполняло свою задачу в случае, если урожай обеспечивал потребности семьи в средствах питания и в корме для скота. Поэтому раб пользовался относительно хорошим содержанием, так как ежедневная совместная работа с господином способствовала личным, человеческим контактам и оба они жили в условиях патриархальных взаимоотношений.

Для периода возникновения рабства в древней Греции типичны нарисованные Гомером отношения между Одиссеем и его верным свинопасом Евмеем. Тот же период в развитии рабства имел место и в Риме. Мы узнаем здесь о некоем Тирре, старшем надсмотрщике царских свинопасов, который был известен в качестве доверенного лица царя Латина (*Dionys., Antiquit., I, 70, 2*). Мы знаем также о некоем Фаустуле, который был *magister regii pecoris* царя Амулия (*Liv., I, 4, 6*).

Дальнейшее экономическое развитие и прогрессирующее разделение труда в отдельных отраслях производства способствовали постепенному разложению патриархальных отношений³⁵. Завоевательные войны Рима в Италии, а затем и во всем Средиземноморье внесли дальнейшие существенные изменения в римскую экономику и изменили также характер рабства.

Именно потому, что развилось товарное производство и вместе с ним денежное хозяйство, появилась возможность принудить раба работать в самых нечеловеческих условиях, можно было неизмеримо повысить трудовую нагрузку. Продукты предназначались теперь в первую очередь

³² S. L. U t t s c h e n k o, *Der weltanschaulichpolitische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik*, В., 1956, стр. 8—9; М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., стр. 23.

³³ Совместная работа и совместная трапеза, ср. P l i n., NH, XXXIII, 26; *omnem victum in promiscuo habebant*; аналогично у P l u t., *Coriolan*, 24,8.

³⁴ Доказано на эпиграфическом материале: D e s s a u, ILS, 7822, 7823; CIL, I, 1034; 1076; 1386 и VI, 30914; ср. F e s t u s, 307; Q u i n t i l i a n., *Inst. orat.*, I, 49; P l i n., NH, XXXIII, 26; Ср. B l ü m n e r, *Die römischen Privataltertümer*, München, 1911, стр. 281; W. E. H e i t l a n d, *Agricola*, Camb., 1921, 137; B i l i n s k i, *Problem der Arbeit im alten Rom*, «*Archaeologia*», 3, Warszawa, 1949, стр. 77.

³⁵ Ф. Э н г е л ь с, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1953, стр. 168—169.

для торгового обмена. Полученные от их продажи деньги, в отличие от сельскохозяйственных продуктов, обладали безграничной способностью накопления и не подлежали порче.

Война ведется теперь уже не только для приобретения скота, оружия или сокровищ³⁶, но прежде всего ради завоевания чужих земель и покорения чужих народов³⁷, ибо земля и люди стали для крупных землевладельцев исходным пунктом в накоплении богатств. Условия же труда и быта рабов становились все более невыносимыми³⁸.

Насколько далеко зашло к началу республики разложение патриархальных отношений и сколь властно выступало новое, можно увидеть на некоторых примерах из сообщений античных авторов. Когда Порсенна со своим войском стоял перед воротами Рима, к нему перебежало много римских рабов (Dionys., V, 26, 3). Во время первой сецессии плебеев 494 г. до н. э. большинство рабов оставило работу и убежало от своих хозяев (Dionys., VII, 1, 2). В 461 г. до н. э. сабинянин Алпий Гердоний занял со своими рабами и клиентами Капитолий и призывал римских рабов подняться против своих угнетателей и присоединиться к сабинянам (Liv., III, 15, 9). Эти события являются красноречивым доказательством того, что к началу Республики противоречия между свободными и несвободными выступали уже резко. Начинаясь классовая борьба выражалась сначала в скрытых формах, например, в ленивом и формальном выполнении работы, в порче и краже орудий труда, в недобросовестном уходе за скотом и т. д.³⁹ По мере обострения эксплуатации недовольство рабов росло и борьба стала принимать открытые формы в виде актов насилия, возмущений, убийства господ, восстаний рабов⁴⁰.

Чем более возрастало число рабов, занятых в одном имении, чем острее была эксплуатация этих рабов, тем меньшей была их заинтересованность в труде.

Все наказания рабов, о которых сообщают источники, имели целью повышение производительности труда рабов, т. е. повышение урожая и дохода⁴¹. Типичным для обращения с рабами является то, что за малейшим их проступком следовали самые тяжелые наказания. При более тяжелых проступках рабов бросали в *ergastulum* или в *pristinum* и приговаривали к вращению мельничного жернова⁴² или посылали на работы в каменоломни (Plaut., Capt., 730). Скованные руки или ноги⁴³, бритые наголо головы (Catull., 59, 5) были наглядными следами подобного рода наказаний. При особенно тяжких упущениях рабов привязы-

³⁶ Dionys., V, 22, 1: консулы решили, в случае нападения на Рим этрусков под предводительством Порсенны, укрыть в безопасном месте прежде всего скот и рабов.

³⁷ Dionys., V, 43, 1: при взятии Фиден дело шло о захвате рабов; Liv., VI, 12, 5: вольски были поголовно обращены в рабство.

³⁸ Уэстермани в своей последней работе (EOS, 1956, стр. 23) развивает следующую мысль: землевладельцы пренебрегали обычными нормами питания и одежды для рабов и тем самым обманули их ожидания. Именно в этом, как он очень осторожно поясняет, следует искать причины возмущений и восстаний рабов.

³⁹ Plin., NH, XIV, 10; Colum., I, 7, 6 сл. и I, 8; ср. Pöhlmann, Gesch. der sozialen Frage..., т. II, стр. 403, прим. 3.

⁴⁰ Для времени около 500 г. см. данные у Dionys., V, 51, 3. См. также А. В. Мишулин, Спартак, М., 1950, стр. 13 сл., который дал общую сводку восстаний рабов в эпоху Римской республики.

⁴¹ Sicul. Flaccus, в Grom. vet., 138, 11 сл.; к этому Pöhlmann, Gesch. der sozialen Frage..., т. II, стр. 408.

⁴² Cic., De orat., I, 11, 46; Terent., Heaut., 530; Plaut., Asin., 31 сл.; Martial., XIV, 68.

⁴³ Cato, De a. c., 56 и 57; Ovid., Trist., IV, 1, 4; Juvenal., XI, 80; Plin., NH, XVIII, 24; на ручные кандалы указывается у Plaut., Capt., 659, и у Horat., Epist., I, 16, 76.

вали к бревнам и секли⁴⁴. Часто жестокая порка предшествовала убийству или распятию раба. В случае, если один из рабов убивал своего господина, все рабы данного дома приговаривались к смерти и предавались казни (Cic., ad Fam., IV, 12; Tac., Ann., XIV, 42). Мы знаем о самых различных увечьях: выламывание членов из суставов⁴⁵, отрезание языка⁴⁶, отрубание рук⁴⁷, переломы ног⁴⁸, выжигание клейма, особенно на лбу⁴⁹ (или на руках и ногах⁵⁰) и т. д. Многочисленные примеры, которые можно было бы умножить, показывают, что стоимость рабочей силы значительно снизилась и что рабовладельцы в своем обращении с рабами стремились только к тому, чтобы безгранично увеличить получаемое от рабов количество продуктов труда.

Из всего изложенного создается следующая картина развития производительного труда во времена Римской республики. Патриции, постоянно богатее благодаря поступательному росту их землевладений, все более отдаляются от производительного труда, так как теперь они получают возможность жить за счет продукта труда рабов. Постепенно они превращаются в паразитический слой, который занимается в лучшем случае политическими делами, ведет ростовщические операции и все больше предается безделью и роскоши. Увеличивающийся приток рабов в Италию решающим образом способствовал распространению рабства, расширению крупного землевладения и значительному снижению стоимости человеческой рабочей силы. Рабы стали главными производителями в сельском хозяйстве и ремесле, но сами они представляли собой собственность и товар, который можно было подарить, продать и сдать в аренду. Производство при помощи рабов делало невозможным какой-либо значительный технический или экономический прогресс, так как рабы не были заинтересованы в результатах своего труда. Возможность существования свободных крестьян и ремесленников была очень осложнена конкуренцией рабского труда, так что многие из них теряли свою землю и собственность и деклассировались. Образовывался новый слой немущих пролетариев, рабочая сила которых, поскольку они вообще работали, также была удобным объектом эксплуатации для имущих классов. Отражение высказанных в этих выводах положений можно найти в мыслях тех античных философов и историков, которые усматривали залог своего собственного существования в системе высоко-развитого рабства⁵¹.

II. ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Картина римского хозяйства конца Республики будет неполной, если я не остановлюсь на вопросе, каким образом в Римском государстве совершалось пополнение и добывание новой рабочей силы и средств производства. Каждое племя, каждый народ, для того чтобы иметь возможность существовать, должны что-то производить. Так как главной пред-

⁴⁴ P l a u t., Asin., 303 и Trin., 247; T e r e n t., Phorm., 220, и Eun., 1021. О розгах и палках упоминается у P l a u t., Bacch., 365 и 779, также в Asin., 298; ремни из кожи — у H o r a t., Sat., I, 3, 119, и Epist., II, 2, 15, M a r t i a l., X, 62, 8; J u v e n a l., VI, 479; веревка, переплетенная проволокой, у H o r a t., Sat., I, 2, 41, и Epod., IV, 11, также у M a r t i a l., VIII, 23, 3 и XIV, 79.

⁴⁵ S e n e c a, Dial., V, 3, 6 (De ira, III, 3, 6); S u e t o n., Tib., 62.

⁴⁶ C i c., pro Cluent., 66, 187; M a r t i a l., II, 82.

⁴⁷ S e n e c a, Dial., V, 3, 6; S u e t o n., Calig., 32.

⁴⁸ S u e t o n., Aug. 67; S u e t o n., Tib., 44.

⁴⁹ V a l. M a x., VI, 8, 7; M a r t i a l., XII, 61.

⁵⁰ C J., IX, 47, 17.

⁵¹ A r i s t o t., Politika, 1, 5 (1254 a); (1255 a); D i o n y s., II, 28.

посылкой любого производства являются постоянное добывание новой рабочей силы, восстановление и приобретение новых средств производства, воспроизводство представляет собой необходимую часть непрерывного процесса производства. Поэтому производство и воспроизводство, вместе взятые, являются основным условием существования любого общества⁵².

1. Обеспечение рабочей силой; восстановление и приобретение средств производства

Около V в. до н. э. рабство не было еще господствующим, хотя уже и ведущим способом производства, в то время как спустя 300 лет рабство и эксплуатация рабов представляли собой господствовавшую форму эксплуатации.

Проблему воспроизводства нельзя отделить от вопроса о том, каким образом римские земле- и рабовладельцы расходовали продукт для покрытия необходимых потребностей и на что использовалась излишняя прибыль. Если Карл Маркс обращает внимание на то, что частные владельцы стремятся использовать приходящийся на их долю прибавочный продукт для усиления эксплуатации⁵³, то это общее указание имеет полную действительность и для древности и, в частности, для римской истории.

Во времена Римской республики в условиях укрепляющегося рабовладельческого хозяйства воспроизводство орудий труда, естественно, было столь же необходимым, как в любой иной период истории человечества; все же оно не играло решающей роли по сравнению с воспроизводством рабочей силы. Причина этого явления лежит в том, что технический уровень производства средств производства на протяжении всего рабовладельческого строя оставался исключительно низким и почти неизменным. Для рабовладельцев было дешевле приобретать новую рабочую силу в виде рабов, которые представляли собой наиболее дешевое орудие труда, чем вводить в эксплуатацию более сложные и технически более совершенные приспособления, за которые они должны были платить намного дороже. Рабы не совершенствовали отдельных рабочих операций и не изобретали новых орудий, которые могли бы облегчить их труд; наоборот, они не берегли даже имевшихся орудий труда, так как положение рабов в процессе производства обуславливало отсутствие заинтересованности в труде. Таким образом, рабство с самого же начала характеризуется типичным признаком застоя и в техническом развитии инструментов труда, и в улучшении трудовых операций.

Несмотря на все эти обстоятельства, применяемые в процессе труда орудия и машинные установки должны были и подвергаться ремонту и приобретаться заново. Исходя из общего принципа римского сельского хозяйства во II в. до н. э. — возможно больше продавать, возможно меньше покупать (Cato, 2, 7; Plin., NH, XVIII, 6, 7), можно предполагать, что землевладелец, стремящийся рентабельно вести хозяйство, старался производить в своем имении простейшие необходимые ремесленные изделия. Более сложные земледельческие орудия труда (оливковые прессы, виноградные давилки, плуги и т. д.), несомненно, покупались. Поэтому для получения прибавочного продукта труда владелец имения должен был «самым жестоким образом эксплуатировать имеющуюся у него рабо-

⁵² К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1955, стр. 570; см. также А. В. Мишулин, О воспроизводстве в античной общественной формации, М.—Л., 1932. К сожалению, эта работа написана без ссылок на источники.

⁵³ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1955, стр. 583, прим. 20.

чую силу»⁵⁴, никогда не оставляя рабов праздными. Так, из Катона известно, что, если вследствие плохой погоды невозможно работать на поле, рабы должны выполнять домашние работы (Cato, 2, 3; 23, 1; 39, 1). Также в дни религиозных празднеств рабы были обязаны работать, хотя и выполнять только такие работы, которые не были воспрещены (Cato, De a. c., 2, 4; ср. также 138). Ибо при мысли *cogitato, si nihil fiet, nihilo minus sumptum futurum* (de a. c., 39, 2) Катон сожалеет о каждом потерянном часе работы. Поэтому он требовал, чтобы рабы даже в часы отдыха были заняты всякого рода делами; обстругиванием столбов и подпорок, плетением канатов и корзин, ремонтом одежды, прядением и тканьем и т. д.⁵⁵ Начиная примерно со II в. до н. э., когда доходность имения, вернее его товарность, становится основным принципом рационального ведения хозяйства, то это означает, что производство и воспроизводство не предоставляется воле случая, и владелец имения постоянно стремится предусмотреть на будущее потребную для его хозяйства рабочую силу и необходимые орудия, т. е. он стремится вести производство «плановым» и рациональным образом.

Так, мы знаем, что владелец катоновского имения еще до созревания винограда должен позаботиться о своевременной подготовке и о приобретении надлежащего количества корзин для сбора, о наличии виноградарских ножей и винных бочек⁵⁶. Ему дается также совет собрать необходимое количество бутылей для хранения вина⁵⁷. Следует также своевременно найти поденщиков и сезонных рабочих на время посева и жатвы (Cato, 23, 2; Varro, I, 17, 2; Colum., 12, 18). Мы видим, таким образом, сколь большое значение имеет четко организованная работа, а это значит, что процесс воспроизводства в античности не являлся делом случайным, а происходил в результате точных подсчетов и правильного распределения работ⁵⁸. Так, мы слышим также частые советы пахать особенно глубоко там, где почва тверда и суха⁵⁹ и где нет возможности производить какие-либо ирригационные работы⁶⁰. Для глубокой пахоты необходимы крепкие железные плуги, которые следует держать в порядке и постоянно ремонтировать. Необходимо припаси и починить для ведения полевых работ мотыги, лопаты, серпы и другие орудия труда⁶¹. Для рыхления почвы нужна борона⁶². Если нам известно, что в латифундиях Галлии уже в I в. н. э. применялись косилки (Pallad., 7, 2, 2; Plin., NH, XVIII, 71), то можно думать, что в Италии употреблялись и более сложные орудия, и возможно уже раньше.

В зависимости от величины владения находились и количество совершаемых в имении ремесленных работ и степень их сложности. Если в имении не было свободных ремесленников в качестве постоянной рабочей силы, то неквалифицированная ремесленная работа выполнялась на месте наличной рабочей силой. Вполне вероятно предположить, что рабов заставляли стругать столбы и палки, плести корзины и веревки, чинить

⁵⁴ G u m m e r u s, Der römische Gutsbetrieb..., стр. 21.

⁵⁵ См. материал у G u m m e r u s 'а, ук. соч., стр. 35—40, 66—68, 87—89.

⁵⁶ C a t o, 23, 41; 26, 1; 31, 1; 33, 5; 68; V a r r o, I, 22 и I, 26; C o l u m., 12, 18.

⁵⁷ C a t o, 120; C o l u m., 12, 29; P l i n., NH, XVIII, 74, 9.

⁵⁸ C o w e l l, ук. соч., стр. 45.

⁵⁹ C i c., Cato Maior, XV, 53; C o l u m., II, 2, 13 и II, 2, 23; P l u t., Aem. Paul. 14.

⁶⁰ C a t o, 151,4; V a r r o, I, 31, 5; C o l u m., XI, 3, 48; P a l l a d., 3, 25. 14; о применении плуга см. B l ü m n e r, Privataltertümer..., стр. 558—563.

⁶¹ C a t o, 155, 1; P l i n., NH, XVIII, 8 и XVIII, 43; C o l u m., II, 17 (18), 4; C a t o, 45; J u v e n a l., 3, 311 и 15, 167; C o l u m., X, 72 и 89; P l i n., NH, XVII, 29; C a t o, 10, 3 и 11, 4 и 37, 1; C o l u m., IV, 25, 1; P a l l a d., 1, 42.

⁶² V a r r o, I, 31, 1; C o l u m., II, 4, 2; II, 10, 5 и XI, 2, 60; C o l u m., II, 17(18), 4 и P l i n., NH, XVIII, 43 и XVIII, 48.

свою одежду и т. д. особенно зимой, когда были невозможны полевые работы (Cato, De a. c., 2, 3; 23, 1; 30, 1; 37, 3). Прядение и ткачество как занятия для рабынь у Катона прямо не упоминаются, но то, что ткачество подразумевалось само собой, доказывает наличие ткацких станков в инвентаре *villa rustica* (Cato, De a. c., 10, 5; 14, 2).

Владельцы имений все чаще стремятся сами перерабатывать собранные в своих имениях плоды; реализовать сопутствующие продукты отхода и продавать их, чтобы получить более высокую прибыль. Если во времена Катона масло и вино часто продавались «на корню» (Cato, De a. c., 146; Varro, I, 17, 2), то в последующее время чаще продавалось уже готовое оливковое масло и вино из давлений имения (Colum., I, 6, 9; XII, 52, 14). Катону также кажется целесообразным, чтобы виноградные прессы, давильни и маслобойня входили в состав и инвентарь имения⁶³. Переработка и отжим плодов, перегонка и очистка сока, процеживание готовой продукции требуют многих, большей частью сложных, орудий и приспособлений⁶⁴, которые не могли быть сделаны в имении необученными рабами; они должны были приобретаться извне⁶⁵.

К сожалению, источники очень мало сообщают подробностей о сельскохозяйственной технике древности⁶⁶. Мы не можем также сказать, как был высок общий доход, каков был размер чистой прибыли владельца и какую ее часть нужно было использовать для восстановления и приобретения орудий и для издержек на рабочую силу. Поэтому мы не в состоянии даже примерно определить индекс воспроизводства *pro jugerum* ни для оливковой, ни для виноградной плантации. Но чтобы в некоторой мере ответить на этот вопрос, мы вынуждены использовать общие положения и косвенные указания источников.

В условиях высокоразвитого рабства в Риме главным для рабовладельца была забота о текущей замене рабов, т. е. об обеспечении воспроизводства своей рабочей силы. В свою очередь, постоянная сменяемость рабов и увеличение их числа вызывались крайне суровой эксплуатацией рабов, что быстро истощало их физически и приводило к гибели, а также постоянным стремлением рабовладельца увеличить количество рабов, повышая одновременно степень их эксплуатации, с тем чтобы получить возможно большую прибыль от их труда и быстрее вернуть таким образом затраченный на их покупку капитал. Поскольку цена на рабов все более снижалась в связи с постоянным их притоком вследствие завоевательных войн, то покупать рабов было дешевле, чем приобретать орудия труда и машинные установки. Вследствие этого возрастающее применение рабочей силы рабов в производстве тормозило дальнейшее техническое совершенствование машин и трудовых процессов, так как материальные средства для воспроизводства расходовались прежде всего на покупку рабов и в значительно меньшей мере на совершенствование техники. Рабовладелец не думал о том, чтобы использовать в своем хозяйстве технические усовершенствования и более сложные орудия труда, при помощи которых можно было бы упростить и облегчить процесс работы. Для рабовладельцев самой дешевой машиной являлся человек, *instrumentum vocale* (Varro, I, 17). Чем более расширялось применение рабочей силы рабов, тем более тормозился, если не становился вообще невозможным, технический прогресс.

⁶³ Cato, 3, 2; 12, 13, 1; 18; Colum., XII, 18, 3 и XII, 52, 3; Plin., NH, XV, 3; Cato, 21, 135.

⁶⁴ Об изготовлении масла и производстве маслодавильных орудий см. у Blümmel, Technologie, т. I, стр. 328—348.

⁶⁵ J. Hörl, Catos Hausbücher, Paderborn, 1929, стр. 150—219.

⁶⁶ Правда, Катон (De a. c., 10—18) называет те орудия труда, которые должны иметься на виноградных и оливковых плантациях.

Вследствие крайне низкой производительности рабского труда считалось выгодным и прибыльным использовать только таких рабов, которые не имели семьи и потомства. В противном случае рабовладельцы оказывались бы вынужденными поддерживать этого раба и его семью выше какого-то минимума, сохраняя их здоровье и, таким образом, их рабочую силу. На протяжении всего периода Республики воспитание детей рабов оставалось невыгодным⁶⁷, поскольку войны доставляли в изобилии необходимый человеческий материал. Право завести семью рабы получали только в качестве особой милости господина.

В условиях рабства воспроизводство рабочей силы имело место во всех хозяйствах, как крупных, так и мелких, как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В то же время, так как рабы считались только одним из видов товара, они представляли собой лишь предмет воспроизводства. Между этими двумя категориями — частными собственниками и рабами — находился слой неимущих свободных людей, которые занимали в системе воспроизводства почти такое же место, как современные наемные рабочие.

Главными источниками восполнения числа рабов были для ранней Республики те должники-соотечественники, которые, не уплатив своевременно долга, обращались в рабов⁶⁸; затем постоянные завоевательные войны Республики, которые доставляли большую часть необходимой в хозяйстве рабочей силы в виде военнопленных⁶⁹; далее — морское пиратство и работорговля (последняя вследствие постоянного притока рабов и развития морского транспорта), которые концентрировались в определенных местах, например на острове Делосе⁷⁰; наконец, воспитание детей рабов, которое становилось прибыльным по мере прекращения крупных завоевательных войн и уменьшения притока военнопленных, т. е. в период Империи, когда уже ощущалась нехватка рабов. Значение этих источников рабства менялось в ходе исторического развития Рима.

Крупные землевладельцы и крупные предприниматели конца Республики руководствовались принципом снижать расходы на воспроизводство до предела (Plin., NH, XVIII, 7). Прибыли их возрастали по мере того, как они сокращали расходы на приобретение новых орудий труда и на покупку и содержание рабочей силы. Необходимо рассмотреть оба эти обстоятельства отдельно⁷¹. Так как в имениях имелось обычно небольшое количество орудий труда и часто довольно примитивных, расходы на их ремонт или на приобретение новых орудий были скорее всего весьма незначительны. Минимальные средства затрачивались также и на содержание рабов. Из этих обоих моментов обычно слагалась основная часть цены воспроизводства, хотя в качестве сезонных рабочих в имениях использовалась свободная рабочая сила и издержки на оплату этой части труда также входили в цену производства. В сумму расходов на воспроизводство мы включим также средства, в которых нуждались сам владелец имения и его семья.

⁶⁷ Воспитание детей рабов там, где оно имело место, было вызвано стремлением получить прибыль. Согласно Plin., Sato, 21, 10, Катон, как известно, приказывал скупать детей рабов, обучать их некоторое время, с тем чтобы потом иметь возможность продать их подороже в качестве учителей, художников или рабов-специалистов. Цены на обученных рабов были весьма высокими. Согласно Геллию (NA, XV, 19, 2), за одного обученного кулинара платили 100 тыс. сестерциев.

⁶⁸ Автор надеется в относительно скором времени предложить исследование о долговом рабстве в Римской республике.

⁶⁹ Dio n y s., IV, 24, 1: наиболее важной военной добычей являлись рабы.

⁷⁰ Dio n y s., IV, 24, 1; ср. K. M a r k s, Капитал, т. II, стр. 480.

⁷¹ Ср. напр., Д. В. Кузовков, Об условиях, породивших различия в развитии рабства, и его наивысшее развитие в античном мире, ВДИ, 1954, № 1.

Обратимся сначала к рассмотрению данных источников относительно содержания рабов. Так, тот же Катон сообщает, что его рабы лишь раз в два года получали верхнюю одежду, тунику и обувь (De a. s., 59). Причитающееся рабам продовольствие распределялось в установленное время дня строго определенными порциями или в форме сухого пайка, или в виде горячей пищи из кухни (Cato, De a. s., 56; 58; Colum., XI, 1, 19; XII, 3). Распределение пищи производилось ежедневно⁷², причем на лето в общей сложности причиталось четыре модия (= 35 л), а на зиму 4,5 модия зерна (= 40 л) (Cato, De a. s., 56). К этому прибавлялись сливки оливкового масла — месячный рацион в размере одного секстария (= $\frac{1}{2}$ л), или же, когда его нехватало, рыбный соус или уксус, а также один модий (= $\frac{3}{4}$ л) соли в год (Cato, De a. s., 58). Каждый раб в зависимости от времени года получал в качестве ежедневной порции от $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ л вина, которое смешивалось с водой (Cato, De a. s., 112). Катон описывает способ изготовления этого напитка, из описания которого можем предположить, что издержки на его изготовление не были высокими (De a. s., 104—115). Блюмнер, характеризуя качество этого вина, предполагает, что оно сохранялось только до летнего солнцестояния, а после этого могло быть использовано лишь в качестве уксуса⁷³. Общеизвестен и в данном случае очень красноречив совет Катона урезать паек больному рабу (De a. s., 2, 4). Таким образом, мы видим, что расходы на содержание и питание рабов составляли весьма незначительную сумму: так, мясная пища полностью отсутствовала, а в качестве главных продуктов питания рекомендовались и использовались те продукты, которые выращивались обычно в самом имении. О низких ценах на пшеницу я уже говорил в первой части своей работы, приводя для сравнения данные Катона и Полибия. Конечно, нельзя принимать цену на хлеб одинаковой для всех областей Италии. Однако то, что цены на продовольствие вообще были невысокими, исключая деликатесы, возможно заключить из того, что один конгий вина (= 3,2 л), например, стоил только один асс (Plin., NH, XVII, 1, 8). Сравнительная стоимость последнего лежит между 4 и 5 пф.⁷⁴ Марциал также сообщает, что крестьянин может есть досыта, хотя он не имеет ничего своего, так как низкие цены на продукты питания превратили его в бедняка (Martial., XII, 76).

По всей вероятности, очень недорого стоили и помещения для рабов. Колумелла сообщает об ужасающей примитивности мест их жилища (Colum., I, 6, 3). Поскольку Колумелла исходил из условий уже I в. н. э., когда стала ощутимой нехватка рабов, а цены на них повысились, то он рекомендует безукоризненные в санитарном отношении жилища для рабов.

Что касается уровня жизни, особенно жилищных условий более бедных и нищих слоев свободного населения, то здесь мы также слышим о пришедших в упадок домах, переполненных жильцами, в которых люди были набиты, как сельди в бочке⁷⁵. Владельцы латифундий и собственники домов, сдававшие их в наем, расходовали незначительные суммы на содержание жилых помещений как для рабов, так и для нищего свободного населения.

⁷² Cato, 144, 5; Horaz., Epist., I, 14, 40, и Sat., I, V, 67; Martial., XI, 108, 3; Petronius, 75, 4.

⁷³ Blümmner, Privataltertümer..., стр. 289, прим. 10.

⁷⁴ Lamer — Bux — Schöne, Wörterbuch der Antike, Stuttgart, 1950, стр. 53; ср. Plin., NH, XVIII, 3, 17.

⁷⁵ Pöhlmann, Überbevölkerung..., стр. 68—77; Liv., XXI, 62; XXXIX, 3; XLI, 8; Rostovtzeff, The Social and Economic History..., стр. 33.

В своем обстоятельном исследовании И. Херле⁷⁶ доказывает, что общая сумма дохода катоновского имения от оливок составляла в год около 108 тыс. сестерциев. Варрон рассказывает, что некий Л. Абукий в своем имении в Албании получил от своих пахотных полей всего лишь 10 тыс. сестерциев, но от пастбища для скота заработал 20 тыс. сестерциев (Varro, III, 2, 17). Если теперь снова вернуться к данным Катона, то окажется, что довольно значительное количество оливок выжимок и других побочных продуктов, которые также шли на продажу, давали дополнительную сумму примерно в 20 тыс. сестерциев. Владелец имения получал также значительные доходы от продажи и других сельскохозяйственных продуктов⁷⁷. Этот доход, на мой взгляд, мог скорее всего составлять половину дохода от урожая оливок (108 тыс. от продажи оливкового масла + 20 тыс. от продажи отходов оливкового производства), т. е. около 70 тыс. сестерциев. Исходя из этих предположений, общий годовой доход имения мог составить весьма значительную сумму, примерно в 200 тыс. сестерциев; разумеется, для определения доходности оливковой плантации II в. эта сумма довольно условная.

Можно предполагать, что более доходным являлась продажа всего урожая винограда и оливок на корню (Plin., Epist., VIII, 2, 1; Plin., NH, XVI, 50), и это было обычным в императорскую эпоху⁷⁸. Так, мы узнаем, что доход от виноградарства в I в. н. э. brutto на один югер достигал в среднем 100 сестерциев (Colum., III, 3, 3). Следовательно, 240 югеров давали 24 тыс. сестерциев. Если один югер виноградника приносил восемь кулеев (20 амфор) вина (Colum., III, 3, 3), а одна амфора стоила около 100 сестерциев (Plin., NH, XIV, 5), то продажа готового вина с виноградника в 240 югеров должна была дать доход в размере 3,8 млн. сестерциев (один югер — 16 тыс. сестерциев). От Плиния мы знаем далее, что владелец крупного виноградника в середине I в. н. э. обрабатывал 60 югеров земли и продавал годичный урожай за 400 тыс. сестерциев (там же, LX), так что 240 югеров могли принести доход в 1,6 млн. сестерциев. Мы видим, что эти данные противоречат друг другу, даже если учитывать, что они могли исходить от разного качества почв, климатических условий и способности владельцев. Эти сравнительные данные интересны, однако, в том отношении, что позволяют принятой нами условно величине доходности от продукции оливководства в 200 тыс. сестерциев никоим образом не считать завышенной. Все эти расчеты тем не менее уязвимы, так как известно, что при закладке оливковой плантации или виноградника прибыль реализуется не сразу, а лишь по истечении нескольких лет. Поэтому разведение скота, оливководство и виноградарство не могли принадлежать к сфере деятельности крестьян, поскольку здесь были необходимы значительные капиталовложения, прежде чем мог быть получен доход. Виноградные лозы не плодоносят в течение первых пяти лет после посадки, а оливковым насаждениям требуется по крайней мере 15 лет до тех пор, пока они начнут приносить доход⁷⁹. Поэтому только богатые землевладельцы, располагавшие достаточными средствами, могли переходить к закладке виноградников и оливковых плантаций. В период до получения первых доходов с оливководства и виноградарства

⁷⁶ H ö g l e, ук. соч., стр. 204, опираясь на свидетельства Катона (De a. c., 22, 3), сообщает, что 50 римских фунтов оливкового масла стоили 25 сестерциев, т. е. один фунт оливкового масла стоил полсестерция; 1 амфора = 26 л; 1 модий = $8\frac{3}{4}$ л; 1 кулеус = 65 л.

⁷⁷ Из Катона (De a. c., 9) узнаем, что владелец имения продавал в Риме также ивовую лозу корзинщикам. Главы 116 и 119—126 сообщают о продаже фруктов, дров, семян на посев, овощей и мелкого скота.

⁷⁸ W e b e r, Die römische Agrargeschichte, Stuttgart, 1891, стр. 229.

⁷⁹ S o w e l l, ук. соч., стр. 50.

в имении должно было продаваться все, производимое в нем (Cato, De a. s., 2, 7). Сюда мы можем причислить уже упомянутые ивовые прутья и дрова, а также шерсть, кожи и пр. (Cato, De a. s., 7, 1; 9, 38; 4, 2; 7, 150). Катон советовал также продавать использованный сельскохозяйственный инвентарь, к которому он причисляет старых и больных рабов (Cato, 2, 7; Plut., Cato, 4, 5; 5).

Таким образом, мы видим, что во времена Катона вся экономика крупного имения носила товарный характер, производимая в нем продукция шла на продажу с тем, чтобы обеспечить землевладельцу наиболее высокий доход. Владельцы имений всяческими мерами стремились поднять их доходность. В свете этих данных принятая нами сумма дохода от оливковой плантации в 200 тыс. сестерциев может считаться исключительно низкой.

Как высоки были в сопоставлении с этой цифрой необходимые издержки воспроизводства?

1) *Заработная плата.* Катон указывает, что в обычных условиях на время сбора урожая оливок нанимали около 50 дополнительных сборщиков (De a. s., 144, 4), которые, согласно подсчетам Херле (ук. соч., стр. 204), работали на плантации примерно один месяц. На оливковой плантации размером в 240 югеров было занято 13 постоянных рабочих, несомненно рабов, которые на время уборки урожая получали помощь свободных рабочих (Cato, De a. s., 10, 1). Виноградник размером в 100 югеров требовал 16 постоянных рабочих, наверное рабов (там же, 11,1), что соответствует и более поздним данным Варрона и Колумеллы (Varro, I, 17, 2; Colum., III, 3), причем последний требует одного постоянного рабочего на каждые семь югеров. Также и в виноградниках во время сезонных работ требовались дополнительные рабочие силы (Varro, I, 17, 2).

Катон сообщает, что шесть поденщиков получали за шесть дней работы плату в 72 сестерция (De a. s., 22, 3), т. е. два сестерция на человека в день. Сюда следует прибавить еще общую оплату натурой (Cato, De a. s., 144, 5). Таким образом, если во время уборки урожая в течение 30 дней работало 50 человек, то этим свободным рабочим надо было выплатить 3 тыс. сестерциев в качестве зарплаты. На пропитание и прочие виды оплаты натурой, я полагаю, расходовалась сумма не большая, чем сумма денежной оплаты за работу, поскольку, несомненно, на питание сезонных рабочих шли продукты, произведенные в имении и, вероятно, не самого лучшего качества. Следовательно, эту часть расходов также можно определить не более, чем в 3 тыс. сестерциев. В таком случае общий расход владельца имения на денежную оплату и оплату натурой труда поденщиков за все время уборки урожая составлял примерно 6 тыс. сестерциев.

Принимая ежедневную оплату труда одного рабочего в два сестерция, мы получим, при перерасчете на весь год, около 700 сестерциев. Шубарт, например, считает, что во времена Августа ежегодная оплата труда свободных рабочих в Александрии составляла 60—80 драхм, т. е. 240—320 сестерциев⁸⁰.

Можно думать, что повышенная потребность в рабочей силе ощущалась не только в период уборки урожая, но и во время весенних работ (пахота, сев, подрезывание деревьев, обработка посевов и т. д.), хотя в весеннее время потребность в таких поденщиках была несколько меньше, чем осенью. Однако несомненно, что весенние работы требовали

⁸⁰ W. Schubart, Neues aus dem alten Ägypten, «Preussische Jahrbbb.», 137, 1889, стр. 520.

не меньше чем половины той дополнительной рабочей силы, которая использовалась осенью. Расходы на наем поденщиков весной должны были составить по крайней мере 4 тыс. сестерциев.

Иногда при найме поденщиков, в случаях, когда заработная плата оказывалась слишком высокой, некоторые работы, по соображениям экономии, не выполнялись, как, например, подбор колосьев (Varro, I, 53). Мы не можем учесть также колебания в оплате и ценах, которые имели место в разные времена года и зависели также от специфики экономических районов Италии. Однако общим оставалось то, как правильно заметил также М. И. Ростовцев, что наличие рабского труда приводило к постоянному снижению зарплаты и другой оплаты труда свободных неимущих рабочих⁸¹.

Итак, приведенные здесь данные источников, мне кажется, дают основания сумму в 10 тыс. сестерциев считать достаточной для ежегодных расходов на оплату труда свободных рабочих.

2) *Расходы на рабов.* Катон сообщает нам далее, что на оливковой плантации в 240 югеров работало, наряду с виликом и его семьей, 11 рабов (De a. s., 10, 1). В то же время Варрон указывает, что на земельном участке равной величины, наряду с виликом, было занято 13 рабов и 6 пастухов — несомненно, также рабов, — следовательно, почти двойное количество рабочей силы (Varro, I, 18, 1). Для виноградника Катон называет 16 рабочих, которые обрабатывают 100 югеров (De a. s., 11, 1). Таким образом, при обработке оливковой плантации на одного раба приходилось в среднем 14 югеров земли, в винограднике — 6 югеров.

По-видимому, количество рабочей силы, постоянно занятой на одной плантации, лежит, согласно этим данным, где-то между цифрами Катона и Варрона. Оно равнялось скорее всего 15 рабам. Расход на одного раба в день едва ли был большим, чем ежедневный расход на свободного рабочего, т. е. не больше трех сестерциев. Скорее всего расход был даже меньше, так как в противном случае землевладелец был бы более заинтересован в найме свободных людей в качестве постоянных рабочих своего имения, рабавших, как известно, более производительно. Но в этом случае вся система рабства оказывалась бы бессмысленной. Следовательно, расход на содержание рабов за год мог выражаться в сумме не большей, чем 17 тыс. сестерциев (при расчете три сестерция на каждого из 15 рабов в течение 365 дней).

При быстром изнашивании рабочей силы рабов (Cato, De a. s., 2, 7) рабовладелец должен был постоянно покупать новых рабов. Учитывая все эти обстоятельства (число занятых рабов равное 15, краткий срок жизни раба в результате жестокой эксплуатации, примитивный и крайне низкий уровень жизни раба), я склонен предположить, что ежегодно необходимо было покупать примерно одного раба, т. е. неограниченная эксплуатация одного раба могла продолжаться максимум 15 лет. Это соответствует в основном подсчетам Шубарта (ук. соч., стр. 520), который, исходя из оплаты труда свободных рабочих и цены на рабов в Александрии времени Августа, считает, что при годовой оплате труда свободных в 60 драхм покупка раба за 1000 драхм должна была окупаться в течение 17 лет (одна драхма равна примерно четырем сестерциям). Из Плутарха мы узнаем, что Катон никогда не платил за обычного раба больше, чем 6 тыс. сестерциев (Cato, 4). Стремлясь добиться максимальной производительности труда рабов, Колумелла советует покупать хорошего виноградаря, даже если за него приходится платить 8 тыс. сестерциев; для обычных работ можно было покупать более дешевых рабов (Colum., III, 3, 8).

⁸¹ Rostovtzeff, ук. соч., стр. 178.

Для Александрии римского времени цены на рабов, согласно Шубарту, были в 500, 1000 и 1200 драхм. Столь значительные расходы на приобретение рабов, как отмечает Шубарт, оправдывали себя, так как с рабом обращались лучше, чем с нанятым рабочим. Я не принимаю во внимание некоторые квалифицированные категории рабов, цены на которых были исключительно высокими. Труд такой категории рабов не имел ничего общего с массовым использованием необученных рабов в сельском хозяйстве⁸².

В результате этих подсчетов можно считать, что в среднем расходовалось ежегодно на покупку одного раба 6 тыс. сестерциев. Вся сумма на воспроизводство рабов, их приобретение и содержание будет определяться, таким образом, в 23 тыс. сестерциев.

3) *Орудия труда*. Подсчет расходов на приобретение и починку орудий труда и машинных установок представляет еще большие трудности, поскольку древние авторы почти не оставили интересующих нас данных. Только в одном случае Катон определяет расходы на покупку оливкового пресса (De a. s., 2, 2, 3—4). Катон рассказывает, что он купил в Синусе оливковую мельницу за 400 сестерциев, причем за перевозку, а затем за монтаж мельницы и за починку одной оси потребовалось уплатить еще 229 сестерциев (там же). Таким образом, оливковая мельница, установленная на месте и готовая к пуску, стоила 629 сестерциев. Расходы на оливковую мельницу, купленную в Помпеях, как сообщает здесь же Катон, составили 724 сестерция. Итак, средняя цена оливкового пресса может быть сочтена равной примерно 675 сестерциям. Так как Катон указывает, что оливковая давальня обычно имела пять мельниц (De a. s., 12), то общая стоимость оборудования давальни равнялась 3400 сестерциям. К сожалению, у нас нет никаких данных, чтобы определить время износа или амортизации одной мельницы, после которого ее необходимо было заменять новой. Предположим, однако, что инструмент и машины были в общем примитивны, грубы и неуклюжи и именно поэтому весьма прочны. Поэтому я бы предположил, что время использования мельницы измерялось примерно 50 годами. Согласно этим предположениям, пять оливковых мельниц реализовали бы ежегодно $\frac{1}{50}$ часть своей стоимости, следовательно около 70 сестерциев. Когда изнашивались жернова, необходимы были починки; тогда можно было покупать и запасные детали для старой машины (Cato, 22, 4). Новые жернова стоили 180, а их монтаж — 30 сестерциев (там же). Если мы, таким образом, добавим еще около половины ежегодных расходов на покупку — около 30 сестерциев в качестве расходов на починку, то мы придем к заключению, что владелец должен был расходовать ежегодно около 100 сестерциев в качестве издержек воспроизводства оливковых мельниц.

Естественно, в крупном имении имелось довольно большое количество разнообразных орудий труда (Cato, De a. s., 10—18; Varro, I, 22): серпы, плуги, бороны, вилы, мотыги, заступы, лопаты, грабли, косы, топоры, колуны, клещи, повозки, ткацкие станки, кувшины, бочки, горшки, воронки, сковородки, ведра, бутылки, водохранилища, измерительные сосуды и т. д. Так как в источниках ничего не сообщается о ценах на покупку и издержках на восстановление всех этих предметов и орудий труда, трудно сказать, составляли ли общие издержки восстановления орудий труда в имении трехкратную или двадцатикратную сумму только

⁸² После Митридатовой войны раб стоил только 4 денария (=16 сестерциям; Plin., Lucullus., 14), Горацій же платил 2 тыс. сестерциев (Sat., II, 7, 43). Хорошо обученный повар стоил временами 100 тыс. сестерциев (Gel., NA, XV, 19, 2). Plin., NH. VII, 40, упоминает наивысшую из известных нам цен на раба — 700 тыс. сестерциев. Ср. Blümler, Privataltertümer..., стр. 280.

что исчисленных расходов на оливковые мельницы. При разнообразии работ в имении (а они располагали даже ткацкими станками) вряд ли будет преувеличением принять десятикратную сумму издержек воспроизводства оливковых мельниц на приобретение и починку всех инструментов и машин, имевшихся в одном хозяйстве; это составит 1000 сестерциев в год.

4) *Покрытие необходимых личных нужд владельца имения.* Источники почти ничего не сообщают нам о личных расходах владельца имения и его семьи на пропитание, жилье, предметы потребления и роскоши. Поэтому попытаться установить это в цифрах почти невозможно. К тому же мы должны иметь в виду, что расходы такого рода были весьма различны в зависимости от индивидуальных качеств владельца и его потребностей. Но обратимся опять к Катону. Он причисляет к инвентарю имения такие предметы потребления, как столы, кровати, стулья, табуретки, матрацы, одеяла, подушки, скатерти, салфетки, лампы и т. д. (De a. c., 10, 11). Напомним также, что друг Цицерона Аттик был известен как самый скупой и экономный человек, который никогда не расходовал на себя лично больше 3 тыс. сестерциев в месяц⁸³. Если принять во внимание, что Аттик ежегодно тратил на свои личные нужды 36 тыс. сестерциев, и если при этом учесть, что он, несомненно, располагал земельной собственностью большей, чем 240 югеров, а они приносили доход, как мы определили выше, по крайней мере в 200 тыс. сестерциев, то вполне уместно предположить, что владелец катоновского имения расходовал на свои личные нужды около 15% от суммы доходов, или около 75% прочих издержек воспроизводства своего хозяйства, а это составит сумму примерно в 30 тыс. сестерциев.

Д о х о д ы	
От урожая оливок и продажи готового продукта	130 000 сестерциев
От урожая и продажи прочих сельскохозяйственных продуктов	70 000 "
<hr/>	
Брутто — ежегодный доход около	200 000 сестерциев
Р а с х о д ы	
На заработную плату и оплату натурой поденщикам и случайным рабочим	10 000 сестерциев
На покупку рабов и на их пропитание, одежду и жилье	23 000 "
На приобретение и ремонт орудий труда и всякого рода машин	1 000 "
На покрытие необходимых личных потребностей владельца имения и его семьи	30 000 "
<hr/>	
Ежегодные издержки воспроизводства около	64 000 сестерциев
Ч и с т а я п р и б ы л ь,	
остающаяся ежегодно земельному собственнику оливковой плантации в 240 югеров (60 га), около	136 000 сестерциев

⁸³ Ср. S a l v i o l i, ук. соч., стр. 43.

После этого краткого, несомненно, неполного как по статьям доходов, так и расходов обзора⁸⁴, мы можем, несмотря на лакуны, составить примерную сводную таблицу издержек воспроизводства в крупном хозяйстве. Эта таблица (стр. 78) с очевидностью свидетельствует о доходности крупного сельскохозяйственного производства в республиканском Риме II—I вв. до н. э.

2. Прожиточный минимум трудовых слоев населения; их борьба за улучшение условий жизни и труда

Произведенный выше подсчет показывает, что во II в. до н. э. владелец имения, который занимался оливководством на 240 югерах земли, получал ежегодно чистого дохода примерно 130 тыс. сестерциев. Такова была сумма, в которой заключался продукт труда, попадавший в карман землевладельца, без его собственного производительного труда. Другими словами, это была сумма, которую выжимали из рабочей силы рабов и неимущих свободных. Эту сумму мы не можем зачислить в расходы на воспроизводство, так как она не использовалась на расширение и улучшение производства. Ввиду того, что в эту сумму не были включены деньги, расходуемые на приобретение новых орудий труда, новых рабов или же на оплату заработка поденщика, эти деньги не возвращались обратно в хозяйство, но оставались в свободном распоряжении землевладельца. Итак, эти деньги расходовались на различные цели, лежавшие вне сферы производства. Они могли идти на финансирование политической карьеры владельца имения, расходоваться в интересах его класса, на громадные взятки, на покупку голосов во время выборов в народном собрании, на спекуляции и т. д.⁸⁵ Свободные деньги еще более увеличивали зависимость непосредственных производителей от крупного землевладельца, еще более усиливали их эксплуатацию. В то время как свободные и рабы своим повседневным трудом создавали стоимость, за которую они не получали соответствующего вознаграждения в форме заработной платы и продуктов, они одновременно создавали для землевладельца возможность еще более строго, чем до сих пор, «господствовать над... трудом»⁸⁶, т. е. нанимать привилегированных надсмотрщиков для наблюдения за трудом и, наконец, уплачивать фиску налоги, при помощи которых финансировалась армия. Последнюю в случае необходимости использовали также и внутри страны для возвращения беглых рабов, подавления движений свободных рабочих и рабских восстаний. Все это также шло косвенным путем на пользу землевладельца.

Если мы до сих пор отправлялись от чистой прибыли размером в 130 тыс. сестерциев, то здесь мы, несомненно, находились у нижней границы дохода богатых землевладельцев. Разумеется, не следует считать обычным доход очень богатого Атика, о котором мы узнаем, что общая сумма его ежегодного дохода равнялась 12 млн. сестерциев (Salvioli, ук. соч., стр. 43). Однако, несомненно, имелось большое число богатых римлян, чье имущество далеко превосходило представления Катона о богатстве. Необычайно высокий доход Атика указывает очень отчетливо, что крупные дельцы и ростовщики располагали весьма крупными денежными средствами, которые служили лишь дальнейшему накоплению богатств в руках отдельных лиц и не использовались для целей воспроизводства.

Из всего сказанного выше можно заключить, что в тех случаях, когда

⁸⁴ См., например, W. Schubart, Neues aus dem alten Ägypten, стр. 521.

⁸⁵ Эти моменты рассматривает Salvioli, ук. соч., стр. 20, 22—24, 37—50.

⁸⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 583, прим. 20.

рабовладельцам удавалось снизить необходимые затраты на рабов и свободных поденщиков до минимума или даже ниже минимума, они в кратчайшее время становились обладателями громадных барышей. Все это было возможным, естественно, лишь при том условии, что земледельческое предприятие было в состоянии поднять производство до максимального достижимого уровня⁸⁷, удерживая в то же время на минимальном уровне издержки производства⁸⁸. Каждая попытка рабовладельцев чрезмерно интенсифицировать эксплуатацию занятой в их предприятиях рабочей силы скрывала в себе две тенденции: с одной стороны, достигнутый доход мог в течение длительного времени составлять максимальную прибыль; с другой — в случае если условия жизни трудовых слоев населения падали ниже прожиточного минимума, такая система хозяйствования неизбежно приводила к отрицательным последствиям для всего рабовладельческого хозяйства в целом. Следствия этой системы жестокой эксплуатации могут быть прослежены как в хозяйственной, так и в политической жизни римского государства. Готовность трудовых слоев подняться против своих угнетателей все более возрастала; это проявляется как среди рабов, так и среди *proletarii*.

Сначала борьба рабов носит скрытый характер, который, как уже указывалось выше, проявляется главным образом в отсутствии заинтересованности в труде, в нерадивом и поверхностном выполнении распоряжений господина, в небрежном уходе за скотом и орудиями труда, а также в тенденции к обману и кражам. Переход к новым формам борьбы рабов против своих угнетателей отмечает вместе с тем и более высокую ступень эксплуатации. Когда условия труда и жизни рабов оказываются почти невыносимыми, борьба рабов принимает открытые формы: бегство с места работы, убийство хозяина, непосредственные восстания рабов⁸⁹.

Крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, сталкиваясь постоянно со все более усиливающейся конкуренцией рабского труда, когда труд свободных в очень большой степени вытеснялся трудом рабов, лишались своих владений и переходили в класс неимущих — *proletarii*.

Экономический упадок и социальное недовольство этих мелких собственников и неимущих поденщиков очень часто проявлялись также в забастовках, которые могут быть прослежены уже в относительно раннее время. Борьба этих слоев населения была направлена на изменение непосредственных условий их труда и жизни.

Сведения о движениях низших слоев свободного населения относятся в первую очередь к Египту как птолемеевского, так и римского времени. Однако это не означает, что подобных проявлений недовольства со стороны этих слоев населения не было в других областях Римского государства. Ростовцев называет также и М. Азию, хотя и оговаривает, что это была единственная страна, о которой мы слышим, что здесь имели место движения ремесленников и городской бедноты⁹⁰.

Однако даже те немногие сведения, которые дают нам источники, подтверждают факт постоянной борьбы как ремесленного, так и сельскохозяйственного населения. Для Египта уже от 245 г. до н. э. мы имеем сведения о забастовках рабочих-каменщиков, которые работали в каменоломне вблизи деревни Фебихис у Гибе на восточном берегу Нила⁹¹. Сведения о забастовках царских земледельцев деревни Керкеосирис

⁸⁷ C a t o, 2, 3 и 2, 4; 23, 1; 39, 1 и 39, 2; 138; ср. G u m m e r u s, ук. соч., стр. 21.

⁸⁸ C a t o, 1, 5; 2, 4; 3, 1; ср. G u m m e r u s, ук. соч., стр. 21.

⁸⁹ См. А. В. Мишулин, Спартак, стр. 21—28, 39—63.

⁹⁰ R o s t o v t z e f f, The Social and Economic History..., стр. 169.

⁹¹ Hibeh-Papyri, ed. G r e n f e l l - H u n t, ч. I, L., 1906, № 71.

в Тебтунисском округе имются для 119 и 114 гг. до н. э.⁹². Для последующего времени мы располагаем отчетом о забастовке рабочих-горняков, имевшей место в I в. до н. э.⁹³. При римском префекте Египта Вибии Максиме в 103—104 гг. до н. э. был произведен ценз, в котором между прочим сформулировано требование, «чтобы крестьяне и сельскохозяйственные рабочие возвратились обратно к своей работе»⁹⁴. Эдикт префекта М. Семпрония Либерала от 154 г. н. э. сообщает об ужасающем обезлюдении деревень, о бегстве крестьян с земли и о непереносимых грабежах в сельских местностях⁹⁵. Из другого источника⁹⁶ мы узнаем, что в 170 г. н. э. некоторые деревни совершенно обезлюдели в результате бегства крестьян. В. Шубарт (ук. соч., стр. 519) сообщает, что свободные рабочие, занятые на плантации папирусов Дионисии в окрестностях Александрии, получали в правление Августа мизерную оплату. Шубарт отмечает, что здесь часто могли происходить забастовки. Свидетельство этому можно усматривать в том, что землевладельцы объединились в союз, чтобы иметь возможность противодействовать рабочим, выдвигающим требования повышения оплаты их труда.

Приведенные примеры не являются исчерпывающими, точно так же как они не могут рассматриваться и как единичные. Поэтому нельзя утверждать, что в Италии во времена Республики не было движений городской и сельской бедноты, поскольку экономические и социальные отношения в провинциях представляли обычно слепок с того положения, которое было в Италии, в самом Риме. К тому же некоторые свидетельства определенно сообщают о фактах такого недовольства. Так, Ливий передает, что римский народ неохотно работал на строительстве одного храма, что он взбунтовался во время земляных работ и прокладки каналов в Риме (конец VI в. до н. э.) (Liv., I, 56, 2). Многочисленные рабочие, используемые при строительстве Сцоаса Максима, совершили самоубийство (Plin., NH, XXXVI, 24, 5; App., Iber., 77). Мы слышим далее, что люди, занятые проведением Сцоаса Максима, получали весьма скудное пропитание при тяжелой работе, не исключая квалифицированных рабочих (Dionys., IV, 44). Эти данные наглядно свидетельствуют о том, что даже для занятых на государственной работе условия труда были очень тяжелыми. Можно думать, что в Италии именно ко времени величайшего распространения здесь рабского труда свободные рабочие выступали со своими требованиями. Говоря о забастовках в древности, следует иметь в виду, что они коренным образом отличались от забастовок капиталистического производства, поскольку мы имеем дело с совершенно различными экономическими условиями.

Так в основных чертах выглядит картина воспроизводства в римской экономике конца Республики, в той мере, в какой ее можно воспроизвести на основании памятников древности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в первой части своей статьи я стремился проследить переход от экстенсивной к интенсивной форме хозяйства в Риме. Отличительной чертой этого явления было стремление землевладельцев к максимальной

⁹² The Tebtunis-Papyri, ed. Grenfell-Hunt, ч. I, L., 1902; для 119 г. см. № 41, стк. 14 — письмо номарха Гармиусиса; для 114 г. см. № 26, стк. 18 — из письма царского писца Гора.

⁹³ Papyri Petri, III, № 43.

⁹⁴ Wilcken und Mitteis, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т. I, ч. 2, Lpz.—B., 1912, № 202.

⁹⁵ Wilcken und Mitteis, ук. соч., № 19 (также BGU, II, 372).

⁹⁶ RGU, 903 (также Vitelli, PSI, № 102, и Preisigke, SB, 1915).

доходности своих предприятий, что стало более возможным вследствие развития товарно-денежных отношений.

Предпосылкой перехода к интенсивной форме хозяйствования явились завоевательные войны Рима, принесшие громадные массы рабов, что полностью изменило весь облик экономики римского государства. Следствием распространения рабского труда явилось, с одной стороны, обнищание свободного крестьянства, с другой — расширение крупного землевладения. Свободные крестьяне, бывшая опора государства, теряли в борьбе с конкуренцией более дешевого рабского труда основу своего существования — свою землю и деградировали до уровня нищих пролетариев.

Широкое использование рабского труда в крупных хозяйствах повлекло за собой внедрение новых принципов ведения сельского хозяйства, что нашло отражение в труде Катона. Однако далеко не все производство велось теперь руками рабов; крестьяне никогда полностью не теряли своего значения в римском сельском хозяйстве, даже в такой области, как Этрурия или центральная и южная Италия.

Во второй части статьи я считал необходимым показать, что в процессе производства в сельском хозяйстве постоянно имело место воспроизводство, т. е. дополнительная покупка рабов, наем свободных поденщиков, приобретение и ремонт необходимых инструментов и орудий труда. В условиях рабства, когда технический уровень орудий труда был еще очень низок, рабовладельцы должны были уделять огромное внимание воспроизводству рабочей силы рабов, поскольку приобретение новых рабов обходилось дешевле, чем совершенствование орудий труда. Но отсюда проистекала и непреодолимая преграда дальнейшему развитию техники и экономики всего древнего мира.

Попытка произвести примерный подсчет доходов и расходов землевладельца в процессе воспроизводства с намерением вникнуть в методы хозяйствования рабовладельца привела меня к выводу, что даже средние землевладельцы могли рассчитывать на получение более чем 50% своих доходов в виде чистой прибыли. Эти большие денежные суммы выжимались из труда рабов и наемных рабочих. По большей части эти средства вкладывались не в производство, а направлялись в сферу политической деятельности господствовавшего класса для финансирования милитаристских устремлений государства, для увеличения личных расходов на предметы роскоши, для всяческих подкупов и взяток, для финансирования ростовщических операций и т. д., наконец, просто для накопления ценностей.

В зависимости от степени эксплуатации и условий труда менялись формы классовой борьбы. Классовая борьба становится барометром степени эксплуатации. С этой точки зрения моя работа преследовала цель рассмотреть политические и социальные события этого периода, исходя из анализа экономических отношений и тенденций развития позднереспубликанского Рима.

